

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ЧЕТЫРЕСТА СОРОК ДЕВЯТОМ ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ,

состоявшемся во Дворце Наций в Женеве в четверг,
17 марта 1988 года, в 10 час. 00 мин.

Президент: г-н Пауль Иоахим фон ШТЮЛЬПНАГЕЛЬ
(Федеративная Республика Германии)

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского) : Объявляю 449-е пленарное заседание Конференции по разоружению открытым.

В соответствии с программой нашей работы Конференция продолжает рассмотрение пункта 4 повестки дня, озаглавленного "Химическое оружие". Однако в соответствии с правилом 30 правил процедуры любой член Конференции может, если он того пожелает, поднять любой вопрос, относящийся к работе Конференции.

Для выступления сегодня записались представители Франции и Союза Советских Социалистических Республик. Я предоставляю слово представителю Франции послу Морелю.

Г-н МОРЕЛЬ (Франция) (перевод с французского): Прежде всего, г-н Президент, позвольте мне горячо поздравить Вас по случаю вступления на пост Президента Конференции, где Вы уже добились важных результатов, и заверить вас в полном сотрудничестве со стороны моей делегации. Эти мои слова обращены к другу и дипломату, известному своими пунктуальностью, опытом и авторитетом. Они обращены также к представителю Федеративной Республики Германии, которая вместе с Францией включилась в процесс особого характера: нашим двум странам фактически удалось покончить с антагонистическим и печальным прошлым и вместе взяться за строительство общего и мирного будущего; если разоружение имеет какой-либо смысл, то это именно то, что происходит между Францией и ФРГ, причем необратимо.

Я хотел бы также поблагодарить за эффективное исполнение обязанностей Президента посла Ресе, который блестяще начал нашу работу в этом году.

Позвольте мне также обратиться со словами приветствия к вновь прибывшим представителям послу Соединенного Королевства Соулси, послу Канады Маршану, послу Египта Эльараби, послу Польши Суйке, послу Нигерии Азикиви, послу Заира М'Бузе-Нсоми и послу Ирана Нассери. Я хотел бы заверить их в сотрудничестве французской делегации.

Г-н Президент, состояние переговоров в области разоружения на начало этой сессии показывает, что 1988 год отмечен несколькими крупными событиями на всех уровнях одновременно - многостороннем, двустороннем и региональном. Третья специальная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которая будет проходить спустя ровно десять лет после первой, предстоящая советско-американская встреча в верхах, которая, возможно, завершится подписанием договора о стратегическом оружии и космическом пространстве, и, наконец, выработка в Вене мандата для проводимых в рамках СБСЕ переговоров о мерах доверия и стабильности в области обычных вооружений - все это исключительно важные встречи, требующие разработки курсов, способствующих подлинному разоружению, т.е. разоружению, которое приведет к большей безопасности. Настало время подвести итог, дать объективную оценку реальности и определить подлинные приоритеты, не ограничиваясь одними лишь словами, о чем бы при этом ни шла речь: о ядерном оружии и безопасности в Европе, о химическом оружии или других областях разоружения.

Если для начала взять ядерную область, то здесь мы продолжаем оценивать результаты весьма важного этапа, который представляет собой подписание в Вашингтоне Договора по РСМД. Как было недавно заявлено министром иностранных дел Франции г-ном Жаном-Бернаром Рэмоном, пусть история решит, является ли этот документ историческим. Сама новизна Договора потребует совершенно особого внимания к

(Г-н Морель, Франция)

его осуществлению на практике в отношениях между двумя участвующими в нем государствами, равно как к его более общим последствиям политического и стратегического характера.

В этой связи я хотел бы кратко остановиться на его новаторских положениях в области проверки, которые уже упоминаются в качестве моделей для других соглашений по разоружению. Несомненно, сложный механизм шести различных категорий проверки на местах заслуживает нашего внимания. Но, по нашему мнению, речь идет скорее о том, чтобы вынести из них некоторые уроки, а не о том, чтобы искать в них пример для подражания. Упомянем пока, что эти правила являются:

- необходимыми: без них Договора не было бы;
- многогранными: одной меры предосторожности недостаточно, необходимо иметь возможность оценивать реальность сразу под несколькими углами зрения;
- специфичными: невозможно предусмотреть непосредственный перенос этих же процедур на другие категории оружия.

Иными словами, в области проверки готовой схемы быть не может. Каждый договор должен определять и содержать свой собственный режим. Советско-американский механизм является крупным достижением, и можно даже пожелать дальнейшего продвижения в данной области. Однако необходимо отказаться от мысли, что обязательно ссылаться на этот механизм в случае всех других соглашений, и тем более отказаться от излишних амбиций относительно создания международной системы проверки с целью осуществления контроля за выполнением всех соглашений по разоружению. Проверка должна определяться исходя из практического опыта, накопленного в данной области, а не на основе заранее предопределенной модели.

Двусторонние переговоры между Соединенными Штатами и СССР об их стратегическом оружии и о космическом пространстве напоминают нам в то же время императивы, характерные для каждой категории оружия. Разнообразие и распространенность как соответствующих систем, так и производственных процессов, тот факт, что речь пойдет о сокращениях, а не о ликвидации, необходимость посещения необъявленных объектов и в то же время невозможность применения повсюду одинаковой степени вмешательства уже показывают, что различие между договорами заключается не в степени, а в их характере, хотя речь идет об одних и тех же переговорах, проводимых лишь двумя сторонами.

Из-за существования этих и, несомненно, других трудностей нельзя быть уверенным в подписании нового договора в ходе предстоящей встречи в верхах, хотя оно и представляется возможным. Не нам занимать место тех, кто ведет переговоры, и, собравшись на эту Конференцию, делегации хорошо видят объективные трудности, которые неизбежно усложняют переговоры, проводимые со всей необходимой серьезностью. Но в силу той важности, которую имеет для всего международного сообщества цель сокращения наполовину стратегических вооружений, которую поставили перед собой две договаривающиеся стороны, мы должны позаботиться о том, чтобы цель эта не откладывалась в сторону или не размывалась.

(Г-н Морель, Франция)

Помимо возможного расширения временных рамок, уже можно предполагать, что договор о сокращении стратегических вооружений приведет к сокращению стратегических боеголовок двух стран, вероятно, примерно на 35%, а не на 50%. В результате к концу нынешнего столетия стратегические силы двух крупнейших держав установились бы на уровне приблизительно 1975 года.

Тем не менее никто не может смириться с поражением или увязанием переговоров о сокращении стратегических вооружений – совсем наоборот. Трудности, приходящие данному начинанию, не должны ставить под вопрос первоочередность, которую обе договаривающиеся стороны и все международное сообщество придают радикальному сокращению советских и американских стратегических вооружений, которые десятилетиями являются конкретной областью гонки вооружений. В то же время это начинание органически связано, по нашему мнению, с необходимостью подтвердить или даже укрепить Договор по ПРО, который способствует стратегической стабильности.

Таким образом, ничто не может оправдать уклонения от этой крайне важной, универсально признанной цели. Однако действительно существует соблазн во имя так называемого расширения Договора по РСМД выбрать путь денуклеаризации Европы, что полностью противоречило бы всему тому, что постепенно укреплялось на континенте после войны.

Речь в таком случае шла бы, на наш взгляд, о настоящем перенаправлении Вашингтонского договора на политические цели, чуждые смыслу его существования и глубоко противоречащие интересам европейских стран. Это смешение целей сразу же подорвало бы веру в обоснованность этого Договора и поставило бы под сомнение доверие к переговорам о сокращении стратегических вооружений. С политической точки зрения предлагать денуклеаризацию Европы – значит желать вновь сделать из нее предмет переговоров между двумя крупнейшими державами, а с военной – косвенным образом согласиться с положением, когда вновь стал бы возможен конфликт с применением обычного оружия или угроза такого конфликта. Поэтому мы не дадим вовлечь себя в это "бегство вперед", которое явилось бы типичным примером разоружения, ведущего к небезопасности.

Что касается Европы, то здесь срочный характер приобретает решение другого вопроса; здесь необходимо на деле добиваться разоружения именно в области обычных вооружений и делать это в рамках хорошо налаженного и отныне необходимого процесса, начатого Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе: в Вене уже определены рамки ведения переговоров по двум направлениям – по дальнейшим, после Стокгольма, мерам доверия вплоть до открытости и, возможно, проявления сдержанности, а также по достижению стабильности в области обычных вооружений путем сокращения и передислокации вооружений, наиболее пригодных для внезапных нападений.

Означает ли это, что как только будет установлено равновесие между обычными вооружениями, мы будем готовы со своей стороны отказаться от ядерного оружия? Это может удивить, но ответ должен быть "нет". Равновесие в области обычных вооружений в высшей степени желательно, но история Европы и других регионов свидетельствует о том, что этого недостаточно. К тому же мы не должны забывать теперь, когда подписан Договор по РСМД, что стратегическая система может поражать цель на меньшем расстоянии, чем ее максимальная дальность действия. Кроме того,

(Г-н Морель, Франция)

ничто не может быть более мобильно, чем подводная лодка с ядерным оружием на борту, и самые последние меры по передислокации подтверждают, что Европа отнюдь не перестала быть одной из основных целей для всех существующих категорий ядерного оружия.

Мы не отбрасываем ни одну из перспектив подлинного и поддающегося проверке разоружения, но мы не собираемся отказываться от практической необходимости сдерживания в том виде, в каком оно заняло свое место в истории. Оно является, во всяком случае в Европе, единственным средством предотвращения какой бы то ни было агрессии. Поэтому мы не можем ограничиться сделанным в Женеве в 1985 году и часто цитируемым заявлением о том, что "ядерная война никогда не должна быть развязана и в ней не может быть победителей". Это сугубо советско-американское заявление, возможно, является началом проявления мудрости теми, кто раньше предполагал выиграть подобную войну; но оно от этого не перестает оставаться продуктом конкретных обстоятельств, неполным и, в конечном счете, двусмысленным. Ядерное оружие предназначено для предотвращения любой войны, и о том, чтобы предполагать выиграть ее, не может быть и речи. В то же время нельзя забывать и о других видах оружия. Поэтому эту фразу нельзя возводить в универсальную истину.

Остается вопрос о ядерных испытаниях, который по-прежнему безрезультатно рассматривается на Конференции. Наша позиция хорошо известна, и мы не пытались усложнять обсуждения и работу здесь, в Женеве, совсем наоборот. Мы вновь вынуждены констатировать, что, на наш взгляд, этот вопрос не является в действительности первоочередным. По нашему мнению, свертывание испытаний вплоть до их полного запрещения имело бы смысл лишь в конце процесса ядерного разоружения.

Можно, конечно, сослаться на недавнее начало советско-американских переговоров, касающихся проверки подписанных 12 и 14 лет назад частичных соглашений о ядерных взрывах. Но и здесь разрыв во времени говорит сам за себя. Если в этом вопросе и есть какая-либо срочность, то она скорее символическая, чем реальная. Что же касается выдвигаемой иногда идеи снижения пороговой мощности и числа испытаний, то совсем не обязательно, чтобы сокращение вооружений влекло за собой сокращение испытаний. Понадобится много времени, прежде чем самоограничение двух крупнейших держав, пока что предположительное, поставит под вопрос крупные приобретения, полученные ими в результате их давно существующей сверхмощи, которая заставляет нас хранить бдительность. Поэтому мы будем осторожно продолжать наши испытания, необходимые для поддержания наших сил сдерживания на нужном для надежности уровне.

Что касается химического разоружения, то я напомню, что в 1978 году и вновь в 1983 году высшее руководство Французской Республики заявило о запрещении этого оружия как об одном из условий участия нашей страны в многосторонних переговорах о ядерных вооружениях. Иными словами, Франция придает первостепенное значение переговорам, которым в настоящее время посвящена основная деятельность Конференции по разоружению.

Чтобы оценить состояние работы, проводимой в настоящее время под руководством посла Суйки, достаточно сопоставить то, что уже урегулировано, с тем, что еще не решено. Были достигнуты существенные, иногда даже поразительные успехи, благодаря которым конвенция постепенно приобретает реальные очертания. Но предстоит еще проделать значительный объем работы, и пока что слишком рано устанавливать

(Г-н Морель, Франция)

какие-либо сроки. Вместо того, чтобы изначально полагать, что нескольких компромиссов политического характера было бы достаточно для урегулирования реальных проблем, стоящих сегодня перед нами, давайте лучше попытаемся кратко и непредвзято определить эти проблемы.

При рассмотрении конвенции можно выделить добрый десяток основных вопросов, которым после стольких лет переговоров не удалось найти решения. По каждому из них проблема заключается не просто в каком-либо конкретном моменте или трудности, как это иногда бывает. Нет, в каждом случае мы имеем дело с комплексом, целым узлом проблем.

К основным нерешенным вопросам, по нашему мнению, относятся следующие:

Во-первых, проблемы определения, в отношении которых высказаны весьма разнообразные мнения, упоминать о которых здесь нет необходимости.

Во-вторых, объявления и обмены данными в том виде, в каком они предусмотрены конвенцией: сейчас я лишь упоминаю этот вопрос, чтобы вернуться к нему в ходе моего выступления.

В-третьих, перечень веществ, будь то сверхтоксичные смертоносные химикаты или, в более общем плане, будущие условия составления списков. Я напоминаю в этой связи о роли, которую должен бы играть, по нашему мнению, консультативный научный совет, необходимый для надлежащего осуществления конвенции, имеющей неограниченный срок действия.

В-четвертых, порядок уничтожения запасов; к этому вопросу мы испытываем особый интерес, и мне не нужно напоминать о нашей заинтересованности в том, чтобы конвенция обеспечивала равную для всех сторон безопасность в течение переходного периода; но в противоположность тому, что хотели бы некоторые, мы отнюдь не единственные, кто придает этому вопросу такое значение; мы в данный момент, возможно, остаемся единственными, кто неустанно поднимает эту проблему просто потому, что она существует; но должен сказать, что, даже если мы еще не добились ее решения, реакция, которую мы вызвали у многих, приводит нас к мысли о том, что наши усилия не напрасны. В рамках этого перечня нерешенных вопросов я хотел бы лишь уточнить некоторые элементы нашей позиции:

- Идея выравнивания запасов является интересным элементом; в том виде, в каком она представлена в данный момент, она, по сути, применима лишь к концу переходного периода и устраняет проблему лишь частично: действительно, какое средство предусмотрено в случае, если какая-либо неуступчивая страна решит остаться вне рамок конвенции, чтобы присоединиться к ней лишь в течение восьмого года, т.е. на конечном этапе уничтожения?
- Этот пример показывает, что довод в пользу незамедлительного "замораживания" существующей ситуации не может отвечать двойной необходимости: обеспечить безопасность всех стран в течение периода уничтожения запасов и привлечь к конвенции все страны. Это и заставило нас представить наше предложение.
- Что касается ситуации в Европе, то было бы неприемлемо, чтобы при вступлении в силу конвенции какая-либо страна имела почти полную монополию в области химического оружия. Можно отметить, что нынешняя ситуация

(Г-н Морель, Франция)

не столь далека от такого положения: но остальные европейские государства имеют сегодня возможность создать приемлемую для них оборону от химического оружия в соответствии с их оценкой угрозы. Эта возможность, если они того желают, должна оставаться за ними ровно столько, сколько существует такая угроза, но возможность эта должна быть ограничена узкими рамками и находиться под международным контролем вплоть до практического завершения сокращения нынешних запасов, т.е. до восьмого года после вступления в силу конвенции.

- Таким образом, первая фаза осуществления конвенции будет вполне соответствовать тому, чем она должна быть: переходным периодом, причем не только с точки зрения уничтожения запасов, но и организации безопасности. Страна не должна резко и бесповоротно лишаться в столь быстрые сроки возможности организовать свою защиту от химического оружия; однако будет справедливым, если страна будет обладать меньшей свободой, откуда вытекает существенно важная, на наш взгляд, мысль о том, чтобы оставить открытой, строго соблюдая при этом предложенные нами условия, возможность обладания минимальным запасом безопасности и предназначенным для его целей объектом по производству, который будет поставлен под международный контроль с момента вступления в силу конвенции.
- Наконец, нас часто упрекают в том, что мы таким образом содействуем распространению химического оружия, тогда как мы, наоборот, желаем предотвратить его. Мы действительно считаем, что конвенция, которая не будет учитывать реальные трудности этого чрезвычайно критического периода, послужила бы наилучшим оправданием для сторонников распространения и что переходный механизм избирательного характера, который будет заставлять платить за безопасность, признанную необходимой, вполне реальную цену - постоянное вмешательство со стороны органа международного контроля - заставил бы каждую страну четко объявлять свои запасы и принимать соответствующие обязательства, лишая тем самым вероятных "упрямцев" возможности воспользоваться благовидным предложением.

Возвращаясь к своему перечню нерешенных вопросов, я хотел бы остановиться на пятом пункте, который касается проверки: необходимо еще гарантировать осуществимость режимов 2 и 3, установленных для гражданской промышленности; что касается "рутинных" инспекций - которые, возможно, следовало бы называть обычными, с тем чтобы избежать уничижительного оттенка, приносящего значение основного механизма, - то мы думаем, что нужно проявлять готовность скорее к расширению их разнообразия, чем к созданию промежуточной категории инспекций, являющихся чем-то средним между существующей практикой и запросом. По нашему мнению, последние предложения, относящиеся к специальным или подтверждающим инспекциям, должны быть соответствующим образом учтены в обычных мероприятиях по проверке.

В-шестых, учреждения: основные наброски системы уже сделаны; но какими должны быть удельный вес различных органов, их соответствующая компетенция, методы деятельности? Что касается, в частности, состава Исполнительного совета, то, по нашему мнению, необходимо ориентироваться на механизм, который не был бы простой копией обычных правил, существующих в общеполитических учреждениях, таких, как Организация Объединенных Наций или эта Конференция, а наоборот - был бы непосредственно связан с самой конвенцией и сочетал бы в себе, таким образом, географический, политический и промышленный критерии.

(Г-н Морель, Франция)

В-седьмых, инспекция по запросу: нет необходимости упоминать достигнутые успехи: но они оставляют нерешенными некоторые важные вопросы, в частности вопрос о заключительном этапе, касающемся рассмотрения доклада, представленного группой инспекторов, и возможных последствий этого. Существуют явные разногласия относительно соответствующей роли запрашивающего государства и Исполнительного совета. Чтобы содействовать обсуждению, не нарушая при этом баланса, который в конечном итоге согласован, мы предлагаем в качестве предварительной меры рассмотреть следующую последовательность действий, которая, как нам кажется, вытекает из самой природы данного мероприятия: в первую очередь группа инспекторов передает свой доклад одновременно запрашивающему государству, запрашиваемому государству и Исполнительному совету с тем, чтобы начались консультации между заинтересованными сторонами; во вторую очередь, запрашивающее государство, которое - не будем этого забывать - является инициатором данной процедуры, занимает официальную позицию с учетом доклада и указывает, считает ли оно, что имело место нарушение конвенции или нет, а также представляет выводы, которые оно из этого делает; наконец, в третью очередь, Исполнительный совет занимает позицию относительно доклада и его возможных последствий. Здесь идет речь, я повторяю, о возможных рамках работы, при которых сознательно остаются открытыми некоторые весьма важные вопросы существа.

В-восьмых, помощь, экономическое и техническое развитие: этот вопрос является, как было подчеркнуто многими делегациями, таким же существенно важным элементом конвенции, как уже упомянутые мною вопросы. Техническое и промышленное сотрудничество, равно как механизмы проверки, являются одной из областей деятельности, охватываемых конвенцией. Кроме того, учитывая различные интересные предложения, сделанные в последнее время по вопросу о помощи, можно отметить, что между помощью и безопасностью в ходе переходного периода существует прямая связь.

В-девятых, вступление в силу конвенции: остаются открытыми многие вопросы, и для их решения не будет достаточно одного лишь упоминания числа государств, необходимого для осуществления конвенции. Следует также подумать о включении в процесс переходного периода государств, которые присоединятся к конвенции на более позднем этапе.

Наконец, в-десятых, связь между конвенцией и Женевским протоколом.

Этот относительно краткий перечень нерешенных вопросов отнюдь не полон, и другие участники переговоров могли бы составить перечень, весьма отличающийся от вышеизложенного, приведя в его пользу веские доводы. Но мы хотели бы быть правильно понятыми. Речь идет не о том, чтобы искать оправдания для того, чтобы ничего не делать или тянуть время. Опыт последних лет и тем более последних месяцев, наоборот, показал, что эти весьма реальные трудности можно преодолеть путем терпеливых и методичных усилий. Но было бы ошибочно полагать, что внезапное политическое вдохновение могло бы сразу решить проблему, подобно тому как Александр Македонский решил поступить с узлом, завязанным фригийским царем Гордием. В худшем случае мы обманули бы самих себя, в лучшем - отложили бы устранение данной трудности на более позднее время и тем самым заранее подорвали бы авторитет будущей конвенции. Лучшим средством продвижения к заключению надежной, стабильной и долгосрочной конвенции является активизация работы, а не назначение срока, который будет непременно надуманным. Мы к этому всегда готовы.

Вопрос осведомления будущих участников конвенции, который занимает сегодня Конференцию представляет собой важный, а в некоторых случаях даже необходимый элемент уже до завершения разработки текста. Мы это подчеркивали неоднократно.

(Г-н Морель, Франция)

Подписание конвенции не может быть прыжком в неизвестность. Но ясно также и то, что сбор данных, необходимых для разработки механизмов конвенции представляет собой сложное мероприятие, которое должно осуществляться в увязке с самой конвенцией, а не быть автономным по характеру. Поэтому надо попытаться дать точное определение условий такого обмена, постоянно соотнося его с проводимыми переговорами.

Двухэтапный механизм весьма общего характера, описанный в меморандуме, представленном месяц назад заместителем министра иностранных дел СССР, заслуживает углубленного рассмотрения. Но уже сейчас мы должны отметить ряд недостатков:

- прежде всего технического характера: некоторые из упомянутых в нем классификаций до сих пор не являются предметом согласованных определений. Констатировав это, Советский Союз предлагает каждому добавлять свое собственное определение; иными словами, в результате такого мероприятия была бы собрана масса разнородных не поддающихся немедленной проверке данных и в то же время это, видимо, привело бы к укреплению разногласий в позициях по данному вопросу;
- затем юридического и политического характера: никакая правовая норма не может заставить государство участвовать в таком мероприятии до тех пор, пока оно не подпишет конвенцию. Можно, конечно, сослаться на доверие, но доверие не устанавливается декретом, и недавний опыт Стокгольмской конференции показал, что понадобилось несколько лет для того, чтобы суметь выработать согласованный механизм многосторонней передачи данных о военной деятельности; иными словами, такая система общего обмена информацией быстро привела бы к параллельным переговорам с целью заключения лишь подобия конвенции, губельного для настоящей конвенции. Такая процедура не только не ускорила бы переговоры, но фактически замедлила бы их и заранее исказила бы их механизмы.

Поэтому мы задумываемся над определением гораздо более конкретного механизма:

Необходимо провести сначала, чтобы не было путаницы, четкое разграничение между предварительной передачей данных до завершения разработки договора, обычным обменом данных, который будет происходить в соответствии с согласованной процедурой после вступления договора в силу, и необходимыми средствами проверки. Такое разграничение, конечно, нелегко провести, и мы хотели бы, чтобы этот вопрос стал предметом тщательного обсуждения. Сейчас нам представляется, что "потребность знать", которая вытекает из переговоров по основным положениям конвенции, была бы более конкретным и более объективным критерием, чем слишком общие положения, определяемые с учетом неизбежно более расплывчатого критерия на основе доверия.

Как только будут четко очерчены контуры конвенции, следует обеспечить, чтобы одновременно с этим был выполнен ряд условий, касающихся сбалансированности конвенции: передача данных будет эффективна лишь в том случае, если предварительно в проекте конвенции будут уточнены определения таких данных, условия фактического обмена спустя 30 дней после вступления в силу, соответствующий режим проверки и, наконец, основные характерные черты безопасности в переходный период.

(Г-н Морель, Франция)

Таким нам представляется средство избежать смешения понятий и сползания к параллельным переговорам о еще одной конвенции. Обмен данными фактически не может сам по себе предвосхитить всю конвенцию и сразу же установить доверие. Он является лишь частью, конечно, важной частью всего того, что должно происходить. Обмен данными, за который мы высказываемся, подтвердил бы, таким образом, жизнеспособность основных положений конвенции еще до завершения переговоров. Желание слишком много доказать до подписания или до вступления в силу конвенции могло бы, с другой стороны, привести к "уцененной" конвенции, что не является нашей целью.

Что касается других пунктов повестки дня Конференции, то я не могу столь же подробно останавливаться на них, но я должен хотя бы упомянуть их и начну с предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве.

Мы думаем, что в течение последних лет в рамках Комитета были приложены заметные усилия. И тем не менее возможности настоящей многосторонней работы были использованы отнюдь не полностью. Мы не единственные, кто сожалеет об этом, но относительно причин этого недостатка мнения расходятся. Некоторые страны полагают, что все дело в мандате и что необходимо договориться о более точном, более "директивном" и более смелом тексте. Мы не считаем, со своей стороны, что речь в данном случае идет о пути, который обещает многое. Напротив, нам представляется, что были определены и уже несколько раз использованы вполне пригодные рамки. Но нам надо пересмотреть методы обсуждения вопроса о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве, чтобы рассматривать его конкретным и реалистичным образом.

Исходя из обсуждений, имевших место в последние годы, нам представляется, что Конференция находится сегодня на поворотном этапе и должна принять ответственное решение: либо она продолжит свою работу, исходя из реальной ситуации, существующей вокруг вопроса о космическом пространстве, с тем чтобы определить и постепенно укреплять роль международного сообщества в данной области, где будут происходить быстрые изменения, или же она завянет в обсуждении принципов без всякой привязки к действительности.

Давайте называть вещи своими именами: 70 процентов осуществляемой сегодня деятельности в космосе носит военный характер, и это положение в скором времени не изменится. Кроме того, большинство элементов этой деятельности — оповещение и обнаружение, наблюдение, связь, навигация, метеорология, сбор данных — содействуют стратегической стабильности и, в более общем плане, безопасности государств во всех регионах мира, а также уже играют важную и, несомненно, возрастающую роль в контроле над вооружениями.

Речь идет не о подтверждении неизбежности, а о том, чтобы оценить масштабы развивающегося процесса. Гражданская деятельность в космосе осуществляется одновременно с деятельностью военной, и в некоторых случаях становится все более трудно провести между ними разграничительную черту. Иными словами, нельзя довольствоваться лишь декларативными заявлениями и произвольным установлением границ. Нельзя игнорировать и то, что в настоящее время происходит в рамках двусторонних советско-американских переговоров.

Поэтому нам представляется, что Специальный комитет, который только что учрежден вновь под руководством посла Тайлхардата, должен использовать настоящую ситуацию, чтобы определить подход, одновременно скромный и смелый. Скромный

(Г-н Морель, Франция)

потому, что нельзя что-либо сделать без подлинной коллективной компетентности, которая должна быстро возрастать, в частности посредством использования национальных экспертов, которые могли бы входить в состав делегаций; смелый потому, что при нынешней ситуации можно — настолько широко открывающиеся возможности — определить наиболее плодотворные направления для действий международного сообщества, и при этом мы думаем, в частности, о невмешательстве в мирную космическую деятельность, о выработке кодекса поведения в космическом пространстве, об укреплении системы уведомления и проверки.

По пункту 6 повестки дня — негативным гарантиям безопасности — наша позиция хорошо известна.

На второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной разоружению, Франция заявила, что "со своей стороны, она не будет использовать ядерное оружие против неядерного государства, которое взяло обязательство не стремиться к обладанию им, кроме такого случая, когда им будет совершен акт агрессии совместно с ядерной державой против Франции или государства. в отношении которого у нее имеются обязательства в области безопасности".

Я хотел бы подчеркнуть, что речь идет о решительном и торжественном обязательстве. Оно универсально применимо: условие отказа от агрессии, которое в нем содержится, свидетельствует о том, что это обязательство охватывает точные и конкретные ситуации и выходит за рамки заявлений о намерениях.

Французская делегация готова вновь участвовать в рамках Специального комитета по пункту 6 нашей повестки дня в поисках общего решения вопроса о негативных гарантиях безопасности. Такая формулировка должна, однако, быть полностью совместимой с односторонним заявлением Франции, которое я только что привел.

Что касается радиологического оружия, то я напомню, что французская делегация по-прежнему заинтересована в переговорах о его запрещении и участвует в усилиях, прилагаемых для решения этого вопроса в Специальном комитете под руководством посла Соулсби. В то же время она подтверждает свою прежнюю позицию в отношении работы о запрещении нападения на ядерные объекты.

Специальный комитет по всеобъемлющей программе разоружения вновь продолжает в этом году под руководством посла Гарсии Роблеса свои усилия по разработке проекта текста, приемлемого для всех и свободного от всяких скобок, которыми он сейчас изобилует. Мы желаем, чтобы эти усилия позволили представить Генеральной Ассамблее документ, отражающий сбалансированный и реалистичный подход к делу разоружения. Вместе с тем нам известно, какой большой объем работы нам еще предстоит выполнить.

Г-н Президент, рассмотрев различные многочисленные вопросы, разные по своей сложности, я попытался показать, что в каждом случае Франция стремится занимать одну и ту же позицию исходя из нескольких весьма простых правил: не все бывает возможным, поэтому нужно исходить из той ситуации, какая есть, и не для того, чтобы ограничивать смелые намерения, а для того, чтобы полнее задействовать имеющиеся средства, по возможности отказавшись от лозунгов и готовых фраз. Таковой будет наша позиция и на таком существенно важном форуме, как третья специальная сессия Генеральной Ассамблеи, посвященная разоружению.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с французского): Благодарю представителя Франции за выступление и любезные слова в адрес Президента.

Теперь я предоставляю слово представителю Союза Советских Социалистических Республик послу Назаркину.

Г-н НАЗАРКИН (Союз Советских Социалистических Республик): Господин Президент, делегация СССР попросила сегодня слово в связи с представлением для распространения в качестве официального документа Конференции по разоружению советского предложения "О создании международной системы контроля за недопущением размещения в космическом пространстве оружия любого рода".

Руководствуясь целью установления строгого универсального запрета на размещение в космосе любых вооружений, делегация Советского Союза в ходе сессии Конференции по разоружению 1987 года предложила, не дожидаясь заключения соответствующего соглашения по космосу, приступить к формированию системы международного контроля за недопущением размещения в космическом пространстве оружия любого рода. Центральное место в такой системе контроля, по мнению СССР, мог бы занять Международный космический инспекторат, имеющий доступ к любым объектам, предназначенным для запуска и размещения в космическом пространстве.

Инициатива Советского Союза о создании международного инспектората была встречена с интересом, о чем свидетельствуют вопросы, обращенные к нам, и просьбы пояснить детали нашего предложения. С учетом обсуждения этой идеи на Конференции, в частности в Спецкомитете по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, мы конкретизировали наше предложение и сегодня представляем результаты в виде соответствующего документа. При этом мы исходим из того, что в зависимости от специфики конкретных соглашений о предотвращении гонки вооружений в космосе система контроля, структура Международного космического инспектората и формы его функционирования могут быть развиты и уточнены в процессе переговоров.

Позвольте кратко охарактеризовать наиболее существенные положения предлагаемого нами документа.

В документе определяется, что главной целью создания Международного космического инспектората является осуществление мер контроля за тем, чтобы любые объекты, выводимые и размещаемые государствами-участниками в космическом пространстве, не являлись оружием и не были оснащены каким-либо видом оружия. Очевидно, что наиболее простым и эффективным способом удостовериться в том, что выводимые и размещаемые в космосе объекты не являются оружием и не оснащены какими-либо видами оружия, является инспекция на месте непосредственно перед запуском. Исходя из этого, мы предлагаем, чтобы государства заблаговременно информировали международный инспекторат о каждом предстоящем запуске, включая дату и время запуска, вид ракеты-носителя, параметры орбиты, общие сведения о запускаемом космическом объекте. Тогда за определенное, подлежащее согласованию время инспекторы проверяли бы запускаемый объект. Учитывая немногочисленность космических полигонов и довольно высокую частоту запусков, видимо, было бы целесообразно, чтобы инспекторские группы оставались на полигонах и в периоды между инспекциями, то есть находились там на постоянной основе.

(Г-н Назаркин, СССР)

Разумеется, мы не можем игнорировать возможность необъявленных запусков космических объектов. В этом случае, согласно нашей концепции, государство-участник имеет право просить Международный космический инспекторат получить у любого государства-участника разъяснение относительно ситуации, которая может считаться неясной в связи с подозрениями на необъявленный запуск космического объекта. Если запрашивающее государство-участник считает разъяснение недостаточным, оно может просить Международный космический инспекторат принять решение о проведении чрезвычайной инспекции на месте запуска и района падения отделяющихся частей ракетносителя и космического аппарата.

Государство, получившее запрос Международного космического инспектората на проведение чрезвычайной инспекции, обязано предоставить возможность чрезвычайной инспекторской группе безотлагательно произвести такую инспекцию, то есть без права отказа.

В документе содержатся предложения о структуре руководящих органов и порядке финансирования деятельности Международного космического инспектората, о составе и порядке назначения постоянных инспекторских групп.

В качестве обязательств проверяемой стороны в отношении инспекторов предусматривается, что для того, чтобы инспекторы могли с достаточной уверенностью определить, что космический объект не является и не оборудован оружием, принимающее государство в ходе инспекции будет, в частности, обеспечивать инспекторов необходимым инструментом, материалами и оборудованием; в ходе программы наблюдения предоставлять инспекторам необходимую информацию, непосредственно связанную с выполнением инспекторами своих функций; допускать инспекторов в места монтажа космических объектов на ракете-носителе и места их запусков; и т.д.

Само собой разумеется, что многое из данного документа может быть развито и уточнено в процессе будущих переговоров. Мы рассчитываем, что делегации, внимательно ознакомившись с советским предложением, поделятся в ходе работы своими соображениями. Мы открыты для конструктивных предложений, направленных на скорейшее эффективное решение задачи предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с французского): Благодарю представителя Союза Советских Социалистических Республик за его выступление.

Список записавшихся на сегодня ораторов исчерпан. Желает ли выступить кто-либо еще? Похоже, что нет.

Секретариат распространил расписание заседаний Конференции и ее вспомогательных органов на предстоящую неделю. Как обычно, оно носит лишь формальный характер и составлено в консультации с председателями вспомогательных органов. Оно может быть изменено, если в том будет необходимость. При таком понимании я предлагаю принять это расписание.

Предложение принимается.

(Президент)

Прежде чем закрыть заседание я хотел бы сделать небольшое объявление. Во вторник нас посетит министр иностранных дел Индии Его Превосходительство г-н К. Натвар-Сингх. Я хотел бы просить членов Конференции собраться здесь в 9 час. 55 мин., чтобы встретить министра и вовремя начать наше пленарное заседание.

Других вопросов для обсуждения сегодня нет, и я намерен закрыть наше заседание. Следующее пленарное заседание Конференции по разоружению состоится во вторник, 22 марта, в 10 часов.

Заседание закрывается в 11 час. 00 мин.